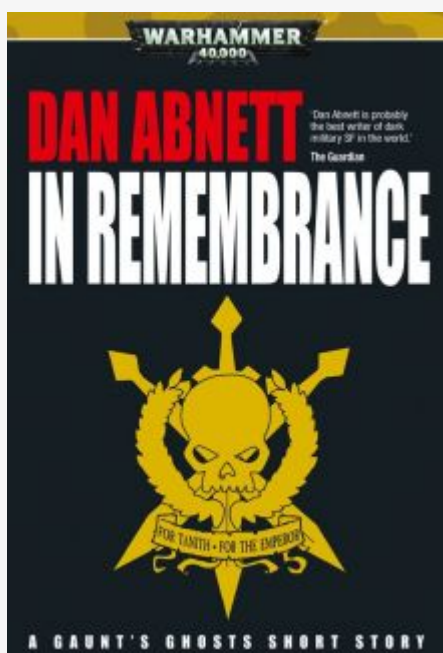

Воспоминание / In Remembrance (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Воспоминание / In Remembrance
(рассказ)

Автор	Дэн Абнетт / Dan Abnett
Переводчик	Draggon
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Повелитель Темного Тысячелетия / Lord of the Dark Millennium
Год издания	2002
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Входит в цикл	Призраки Гаунта
Предыдущая книга	Некрополь / Necropolis

Иллюстрация из Inferno! №30

Понимаете, это было очень давно. К тому же, я пробыл с ними совсем недолго. Даже не могу сказать, что хорошо знал их. Это была моя работа, понимаете? Хорошо оплачиваемая работа, в промежутке между другими, более серьезными делами. Я и не подозревал тогда, что... что эта работа станет самой известной.

Сомневаюсь, что кто-нибудь из них меня помнит. Я вообще не уверен, что они сейчас живы. Со дня битвы за улей на Вергхасте прошло уже шестьдесят лет, а карьера имперского гвардейца не отличается далеко идущими перспективами.

Конечно, они все давным-давно мертвы. И, если так, пусть Император Человечества примет их души. Каждого из них.

У меня был друг, который работал в Муниториуме НордКола, он был достаточно любезен, чтобы посылать мне копии имперских сводок. Так что я мог следить за их перемещениями и победами. Несколько лет подряд мне было приятно наблюдать за ними. Когда я читал об их успехах на Хагии и Фантине, я брал бутылку джойлига и сидя в своей студии, поднимал тосты в их честь.

Но, потом я это бросил. Я знал — рано или поздно, новости будут плохими. У меня есть мои воспоминания, их достаточно.

Я был тогда молод. Всего двадцать девять. Я учился, представьте себе, в Школа Лапидаэ, в Феррозоике. В самой Зоике! Но, к тому времени, когда разразилась война, я уже примерно семь лет жил и работал в НордКоле. Я приезжал в Вervун-улей примерно дюжину раз, обычно чтобы получить вознаграждение за выполненные поручения, и пару раз навестить отличного мастера, делавшего замечательные долота с вольфрамовыми наконечниками, которые я так любил. Он погиб во время осады. Большая потеря для нашей профессии.

Я хорошо помню Вervун-улей после осады. Я с трудом узнал это место. Война смела с него все его величие, и оставила лишь скомканные и изломанные останки. Улей напоминал мне статую, обезглавленную и потрескавшуюся, былое величие его теперь покоилось в руинах.

Глядя на них, вы можете представить, каким он был раньше, но вы не сможете собрать его вновь.

Они так и не смогли его собрать.

Я помню, как вышел из транспортника прямо в густой дым, и первым, что мне подумалось, было: «все это совсем не похоже на победу».

Где бы вы ни были, куда б ни пошли, везде был дым. Пепел оседал на все, облипал поверхности внутри и снаружи. В воздухе парили хлопья копоти. Огромная громада Главной башни выглядела жалко — пробитая и помятая, со шлейфами дыма из бесчисленных дыр. Небо было черным. Говорят, что дымный вихрь, клубившийся над Вervун-ульем, был виден даже из космоса.

Сначала я полностью растерялся. Я ожидал, что будет плохо, но это...

Из оцепенения меня вывел грубый голос. Он произнес: «Чего встал, чертов дурень?» Что-то вроде этого, только более эмоционально. Я увидел офицера ВПХС который обращался ко мне и осознал, что стою в центре транзитного зала — поток людей, машин, погрузчиков и армейских грузовиков обтекает меня со всех сторон. Я стоял, с глупым видом, прямо посередине всего это столпотворения и только этот офицер обратил на меня внимание.

Я показал ему документы.

Он выглядел презрительным. Думаю, что на самом деле его насмешила цель моего прибытия. Затем он указал мне на дальнюю сторону зала, через всю эту суматоху, где несколько человек загружали жуткого вида грузовик, с пробитым шрапнелью брезентовым верхом.

— Они из тех, кто вам нужен, — сказал он.

Я подхватил свою сумку и направился к ним. Мое горло уже пересохло от вездесущего пепла. Шесть человек, построившись в цепь, загружали в кузов коробки. Они были одеты в черную униформу, которая была изрядно потрепанной, кое-как заштопанной и отчаянно нуждалась в хорошей стирке. У всех были короткие, одинаково-черные волосы и бледная кожа. Большинство имело татуировки на щеках, лбах и предплечьях, и серебряные штифты в ушах. Самый крупный из них имел невероятно спутанную бороду, а руки у него были огромные, будто стволы деревьев. По волосатым предплечьям змеились голубые спирали татуировок. Он насвистывал бойкий мотивчик, но его губы были настолько сухими и потрескавшимися, что свист больше походил на скулеж уставшей собаки.

Его звали Колм Корбек и он был, как ни странно, полковником.

— Ты кто? — спросил он, замедлив работу.

— Тору. Иешуа Тору. Я... э-э-э... художник.

— Никогда про тебя не слышал

— Ну, видите ли... — начал я, — я не так знаменит, как например... а вы разбираетесь в э-э-э ...

Неожиданно он остановился и посмотрел на меня. Люди за ним тоже остановились, держа ящики на весу.

— Уверен, ты хороший художник, — сказал он доброжелательно, — я не хотел тебя обидеть. Видишь ли, я и высокое искусство, как бы тебе сказать, не слишком хорошо знакомы. Прямо скажем, я не признаю картину маслом, даже если она пнет меня в задницу. Ты рисовальщик?

— Нет, я скульптор.

— Скульптор, говоришь? — Он покачал головой так, как будто его это впечатлило, и продолжил работу, забросив картонную коробку в кузов. — Скульптор. Забавно. Делаешь статуи, да?

— Э-э, да. Вообще-то я специализируюсь по барельефным фризам и панно, но я так же... — тут я понял, что быстро теряю его внимание. — Да, я делаю статуи.

— Ты молодец.

— У меня миссия...

— У меня тоже, парень. Я — полковник.

— Нет, вы не поняли, дело в том... — я запнулся.

Другие люди смотрели на меня как на психа. Один из них, симпатичный парень с внимательным взглядом, моложе и меньше чем его командир, повел протезом руки и с любопытством осмотрел меня.

— Мне кажется, босс, у него задание по части искусства.

— Это правда? — спросил Корбек.

— Да, — сказал я. — Дом Часс заплатил мне, чтобы я создал монумент славы в честь... этого события.

— Какого события?

— Победы Вervун-уля, — сказал я.

— А-а-а... — сказал Корбек. Он огляделся с таким видом, как будто в первый раз видел разрушенный и горящий город. — Так вот, что это такое...

— У меня есть все необходимые документы, — сказал я, протянув ему пачку бумаг.

Он посмотрел на них без интереса.

— У меня есть разрешение взять интервью у бойцов Первого Танитского полка, чтобы... э-э-э... спланировать свою работу.

— У нас? — переспросил парень с искусственной рукой.

— Да, — ответил я, — леди Часс высказалась вполне отчетливо. Она желает, чтобы Первый Танитский

полк обязательно был увековечен в этом монументе.

— Меня еще никто никогда не увековечивал — сказал молодой парень, сержант, если верить тому, что осталось от его нашивок.

— Давай работай, Варл, — сказал Корбек, — не то я увековечу тебя сам. Носком вот этого моего сапога.

Они закончили погрузку и забралась внутрь. Я заколебался, не зная, что мне делать. Корбек посмотрел на меня, высунувшись из кабины.

— Ну что, парень, — сказал он, — лучше тебе отправится с нами, как думаешь?

У грузовика, принадлежавшего Гвардии, была в бою повреждена трансмиссия. Мы с грохотом проехали по одной улице, затем с тряской, по другой. Я ехал в кабине, зажатый между Корбеком и сержантом. Через несколько минут, сержант принялся.

— Чем это воняет, — спросил он, — свежий такой запах, ароматный...

— Ага, — сказал Корбек, — он тоже повел носом. Я ничего такого не чувствовал, за исключением стойкого запаха немых тел, старого пота и дыма.

— Ты сегодня мылся? — спросил сержант.

— Конечно! — ответил я возмущенно.

— Значит, это воняет он, — констатировал Корбек.

— Счастливчик, — вздохнул тот, другой, Варл.

Мы выехали на главную транспортную артерию, медленно объезжая остовы сгоревших машин и обвалившиеся от попаданий снарядов фасады зданий. Впереди, горожане выстроились в очередь

за едой и гуманитарной помощью, к станции, которая была развернута в старом сборочном цехе. Шоссе длилось примерно километр, и неровная очередь тянулась вдоль него из конца в конец.

Корбек смотрел на очередь из окна грузовика пока мы ехали вдоль нее. Бездомные, лишены, голодные и больные. Исхудавшие люди, с застывшими лицами и сломанными надеждами, с пустыми глазами, перегруженными болью. Их кожа одинаково бледна, одежда одинаково выкрашена серым пеплом и заляпана грязью. Как будто весь мир стал черно-белым.

Корбек выглядел удрученным.

— Что случилось? — спросил я.

— Эти люди... они выглядят как старые фото моих прадедов и родственников, — неожиданно доверительно ответил он. В его голосе слышалась глубокая скорбь.

— У нас дома, в графстве Прайз, кухонный очаг был обшит деревом. Моя матушка повесила там эти снимки, в маленьких таких рамках. Дядюшки, тетюшки, дальние кузены и кузины, свадьбы и празднества. Знаешь, я всегда считал их бестолковыми, бездушными какими то. Черно-белые лица, как у них там, на улице.

Его речь была настолько мрачной, что я поразился. Я никак не ожидал услышать подобное от такого сурово выглядящего бойца.

Леди Часс сказала, что я должен попытаться уловить дух Танита, и вдруг, прямо здесь, совершенно неожиданно и без всяких поисков, я, кажется, нашел кое-что.

— Иногда мне хотелось бы... — добавил Корбек, прочистив горло, — вот как сейчас... я бы хотел сунуть несколько этих старых снимков в свой вещмешок, в то утро, когда я оставил дом и отправился на Поля Основания. Они мало значили для меня, родственники, которых я почти не видел. Некоторых вообще не знал. Люди, о жизни которых, я даже не подозревал. Но сейчас, если бы они у меня были, это была бы как путеводная нить, назад к Таниту.

— А, этот Танит, это где? — спросил я и сделал ошибку.

— Нигде, мистер художник, сэр, — ответил Корбек, неожиданно отбросив свое уныние. — Он разрушен и его больше нет, а мы — все, что от него осталось. Вот поэтому мы и есть Призраки.

За окном грузовика тянулась длинная череда унылых лиц.

— Я чего-то не понимаю... мы ведь победили, да? — неожиданно спросил сержант Варл. Он сидел за рулем, самокрутка из контрабандного табака — листьев лхо — прыгала в его губах. Клубы сигаретного дыма, от которого у меня слезились глаза, заполняли кабину, но Корбек как будто ничего не замечал.

— Ага, победили... чудо из чудес, эта победа...

Варл загнал грузовик в погрузочный отсек 67-МБ медицинского корпуса.

— Сидите здесь, — сказал Корбек, выбираясь из кабины, — хотя ты, если хочешь, можешь идти со мной, — бросил он мне и зашагал по направлению к потрепанному зданию.

Я бросился его догонять.

И тут, совершенно неожиданно, мы оказались в гуще детей. Это были беженцы, пострадавшие от войны дети, все перемазанные грязью.

Я совершенно растерялся, не зная, что делать дальше. Корбек уже давно раздал весь свой сухпак, но дети просто облепили его со всех сторон, хватая его за руки, цепляясь за ремни обмундирования, не обращая внимания на его неуклюжие извинения...

Громко посигналил гудок грузовика. Дети, все как один, оглянулись.

— Але! — заорал Варл. — Ку-ку, я здесь! Смотрите, что у меня есть! Давай сюда, у меня печенюшки! — Он держал брикет, обернутый в фольгу, и призывно им размахивал.

Стайка детей оставила нас и нахлынула на грузовик, стараясь достать брикеты, которые Варл кидал им, доставая из коробки, стоявшей на сиденье.

Корбек смотрел на это несколько секунд, а потом улыбнулся.

— Варл и я стащили эти печенюшки из разрушенного склада Муниториума. Хотели побаловать Призраков.

Я понял, что он одобряет поступок Варла. Дети, они были важнее.

Мы с полковником вошли в медицинский зал. Дверной проем был завален с обеих сторон протекающими пакетами, полными разношерстного медицинского мусора которые создавали стойкий аромат ужаса. За

ними стоял целый состав тележек, груженных испачканным постельным бельем. Два врача спали беспробудным сном на кипах нестиранного белья. Их не разбудил даже рев боевых кораблей, которые принесли свободу этому миру. Они работали, пока не упали мертвым сном. Кто-то заботливый просто перетащил их сюда.

Корбек знал куда идти. Он бывал здесь каждый день в течение двух недель, как он сказал позже. Он искал кого-то, кого звали Дорден.

— Док? Док?

— Он спит, — тихо сказала женщина, появляясь позади нас.

Ее звали Курц, сказал мне потом Корбек. Он сталкивался с ней раньше, несколько раз, но не то, чтоб хорошо ее знал. Уроженка Вергхаста, старший хирург. «...Фесовски хороша... — сказал он позже, — ...если тебе нравятся маленькие, хорошо сложенные женщины с миловидным личиком...»

Было очевидно, что Корбеку как раз такие и нравились.

«Но... — сказал он настойчиво, как будто у меня были какие либо сомнения — ...увлечься Курц, все равно, что увлечься женой правителя сектора!..»

Он был обычным полевым полковником, а она руководила гражданской медицинской службой. Док — доктор Дорден весьма уважал ее, и этого было более чем достаточно для простой натуры Корбека. К тому же, она достойно показала себя здесь, в Вервунхайве, во время конфликта.

Корбек не был в восторге от идеи присутствия женщин в зонах боевых действий, но Курц была человеком, который бы пригодился Призракам. Его интересовало, знает ли она об Акте Утешения, который объявил командующий Макаров. Скорее всего, знала. Он полагал, что не было ни малейшего шанса, что она воспользуется Актом.

— Акт Утешения? — спросил я.

— Уступка для новобранцев. Бравые жители Вервун-улья могут вступить в ряды Призраков.

Хотела или нет — она возникла у нас за спиной, словно призрак.

— Он в порядке?

— Состояние стабильное, полковник, — сказала Курц.

— Вообще то, я спрашивал про Дока.

— О... — она улыбнулась. Это была чертовски хорошая улыбка, и я видел, что Корбеку она определенно нравится. — Да, он в порядке. Очень устал. Выдержал три смены подряд и даже сейчас не хотел уходить спать. Так что мне... мне пришлось разбавить его кофеин элдрамолем.

Она выглядела сконфуженной, особенно в моем присутствии.

Корбек хихикнул.

— Вы его опоили?

— Это была... ну-у-у ...медицинская необходимость.

— Отличная работа, хирург Курц. Мои поздравления. Дорден становится полным уродом, когда речь заходит о том, чтобы позаботиться о самом себе. Не беспокойтесь, я вас не выдам.

— Спасибо полковник.

— Насколько я знаю, вы не состоите на военной службе. Значит, можете звать меня — Корбек.

— Я поняла. Полагаю, вы прошли проведать пациента?

— Так и есть. Между прочим, это мистер Тору. Он... человек искусства, вот он кто.

— Человек искусства? — сказала она. — Подождите секунду... Тору? Скульптор?

— Да, — ответил я, чувствуя себя бесконечно счастливым.

— Вы делали фриз на стенах имперского госпиталя в НордКоле?

— Да, делал. В прошлом году.

— Это было прекрасно. У меня есть друзья из комитета по делам хосписов, они очень высоко отзывались о вашей работе.

— Замечательно. Большое спасибо!

Курц откинула пластиковый полог, который закрывал дверной проем, и провела нас внутрь, в палату интенсивной терапии. Ведомый каким-то шестым чувством, я задержался и дал Корбеку пройти первым.

Пациент лежал на кровати с гидравлической системой поддержки, под тентом из чистого пластика. Его тело опутывали трубки подачи физрастворов и систем поддержания жизни. Хромированный аппарат искусственного дыхания — ребрифер — шипел и хрипел возле кровати. Рядом стояла тележка с реанимационным оборудованием.

— Дадите мне минутку, а? Мистер Тору, хирург?

— Хирурга зовут Ана, Колм.

— Неужели? — Корбек улыбнулся. — Хорошо, Ана. Всего пару секунд, если вы будете так любезны.

— Конечно же.

Мы вышли за дверь, и она опустила пластик на место.

— Кто это? — шепотом спросил я у Курц.

— Ибрам Гаунт. Комиссар-полковник Танитского Первого и Единственного полка.

Архивисты дома Часс вкратце просветили меня о Гаунте. Герой Вервун-улья, так они его называли. Гаунт получил тяжелое ранение, когда уничтожил отвратительное чудовище, возглавляющее войска противника — Наследника Асфоделя. Гаунт находился на пороге жизни и смерти вот уже три недели, ни разу не придя в сознание. Я всмотрелся сквозь пластик. Швы на его груди отчетливо выделялись на фоне бледной плоти.

— Итак, зачем вы здесь? — спросила меня Курц.

— Мне было поручено создать военный мемориал. Задание от дома Часс. Они хотят получить нечто

достойное и величественное, поэтому устроили мне экскурсию в танитский полк, чтобы стимулировать мое воображение.

— Ну-ну, желаю удачи, — сказала она.

— Почему? Я попал не туда?

Курц покачала головой.

— Просто я не думаю, что вы найдете что-нибудь величественное в этом несчастье. Кроме того, здесь не так уж и много того, что относится к Призракам Танита, и я сильно сомневаюсь, что вы сможете это ухватить.

— Но почему?

— Потому что они — нечто весьма особенное, — сказала она и, повернувшись, ушла.

Я вновь посмотрел сквозь прозрачный пластик.

— Эй, босс. Это Корбек. Просто заскочил проведать... — Корбек сел рядом с кроватью.

— Ну, что сказать? Вообще говоря — мы его потеряли. Мы потеряли весь этот улей. Но, вы же знаете, что такое победа, да? Люди поддерживают друг друга. Старый добрый дух Танита. Варл просил меня, спросить вас, если вы умрете, можно он возьмет ваш плащ? Хе-хе. Ну как, можно? Я думаю, что Баффлз уже вполне подходит на роль командира взвода, но ему слегка не хватает пары мудрых советов. Может быть, вы займетесь им, когда поправитесь и вернетесь к нам?

Ребрифер шипит и вздыхает.

— Освобождение идет на полную катушку. Военная техника прошла пригороды вчера вечером и сейчас они готовы двинуться в соляные пустоши, выловить остатки зоиканцев. Фес меня побери! Титаны — это нечто! Говорят, что здесь еще высадились Адептус Астартес — Железные Змеи и Имперские Кулаки. Командующий не оставляет врагу ни единого шанса.

Мерно попискивает монитор жизнедеятельности.

— Они скучают по тебе, Ибрам. Люди. И я тоже. Ты привел нас к победе, и ты по-праву должен разделить ее с нами. Не умирай, слышишь?

Корбек погрузился в молчание, уставившись в пол.

— Знаешь, фес, это не честно, — сказал он, наконец. — Мы победили, но все равно миллионы гражданских продолжают умирать. Жители пригорода, те, кто жил в Башнях, все. Я видел их по дороге сюда. Фес, это разрывает мне сердце. Хочешь знать, о чем я думаю? Я скажу тебе, раз уж ты меня слушаешь. Я вспоминаю Танит. Да, Танит. Я вспоминаю о миллионах людей, которых мы потеряли. Моя семья. Мой народ. Мой фесов мир. Я смотрю на эти скорбные и потерянные лица и вспоминаю... Танит. Если бы мы тогда остались, приняли бой и победили, те, кто остались в живых, наверное, выглядел бы так же. И знаешь что?

Ребрифер продолжает мерно стучать.

— Я рад, вот что. Я очень рад, что все обернулось так, как обернулось. Твое решение, Ибрам, оно было правильным. Я никогда тебе этого раньше не говорил, да и сейчас говорю потому, что, фес знает,

слышишь ты меня или нет. Но я рад, что у нас есть то, что есть. Хорошо, что Танит погиб быстро, чем получил вот такую победу. Мой народ заслужил это. Не смерть. Быструю смерть. Это... это... проклятье, они просто не заслужили такого исхода! Хорошо, что Танит уничтожен, быстро и окончательно, чем вот такое...

Корбек замолк.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Ты не раз освобождал солдат от боли, я знаю. Лучше, когда все происходит быстро. Лучше, чем вот так вот.

Корбек встал.

— Ну, все, я доложил. Ты вернешься к нам, слышишь? Ты вернешься к нам.

Мы вышли назад, к грузовику и направились туда, где были расквартированы Призраки. Корбек выглядел притихшим и молчаливым после посещения госпиталя. Он сказал мне, что должен немного передохнуть. Он передал меня под опеку огромного солдата, которого звали Брэгг.

— Вы прошли инструктаж, Ещераз? — спросил Корбек. Я не понял, почему Корбек назвал его «Ещераз».

— Да босс, мы патрулируем пригород.

— Возьми его на прогулку, — сказал он Брэггу, указывая на меня. — Покажи ему, что тут да как. И присматривай за ним, хорошо?

Сначала меня испугала перспектива быть рядом с Брэггом. Его было слишком много. Но, я быстро обнаружил, что под обманчивой внешностью огрина скрывается мягкое сердце.

Он выдал мне серую униформу, взамен моего дорогого, синего гражданского костюма, и аккуратно подогнал лямки моего бронезилета.

— Скорее всего, все будет тихо, мистер Туро, — сказал он, — но нельзя быть слишком осторожным. — Когда нас представляли друг другу, он долго старался запомнить мою фамилию и теперь произносил ее с уважением. Я понял, что он взял меня под свое крыло.

Люди, выходящие в патруль, собирались в замусоренном помещении заводского цеха.

Брэгг не был старшим. Командовал патрулем немолодой бородатый человек, которого звали Баффлз. Он был страшно серьезен во всем, как будто хотел что-то кому-то доказать. Как я узнал позже, он только что получил повышение. Там было еще восемь человек: снайпер Ларкин, огнеметчик Бростин, разведчик Доил и пять бойцов — Домор, Мило, Фейгор, Яэл и Мактаг. Все вместе они выглядели как-то нелепо, но действовали с удивительной слаженностью, которая очевидно была результатом большого совместного опыта.

Заминка у всех случалась только с Ларкином, снайпером, который выглядел худым и нервным, и, как будто во всем ждал подвоха. Они звали его Ларкс или Безумный Ларкин, что давало мне некоторые объяснения. Тем не менее, они относились к нему с уважением. Брэгг сказал, что именно Ларкин дал имя полку, еще в самом начале придумав «Призраков Гаунта». Я попытался поговорить с Ларкиным об этом, но мало чего добился. Рядом с ним я почему-то начинал нервничать. Он излучал, какую-то истерическую энергию и постоянно нянчился со своим ружьем. Через некоторое время, я оставил его в покое во имя своего собственного психического здоровья.

Доыл был симпатичным молодым человеком, приблизительно двадцати пяти лет от роду и выглядел идеальной натурой для героической статуи. Но, он был еще менее общительным, чем Ларкин.

— Ну да, он — разведчик, — сказал мне Брэгг так, как будто это все объясняло.

Бростин, провонявший прометием, был обычным неотесанным дурнем с чередой глупых и неуместных шуточек. Домор был внимателен и собран. У него были глазные имплантаты, и народ звал его Шогги, я так и не узнал почему. Его лицо и руки были розовыми, от только-только заживших ожогов и это было его первое боевое задание, после ранения. Я спросил, как он был ранен.

Выяснилось, что во время рукопашной схватки с Наследником Асфоделем в его руках взорвался лазган. Я отчаянно пытался разговорить его на эту тему, но он не поддался на уговоры.

Мактаг и Фейгор, им обоим было за тридцать. Мактаг был улыбочивым парнем, с голубой спиральной татуировкой над левым глазом.

Фейгор был совсем другим. Во время осады он был ранен в горло, и его гортань была заменена новеньким имплантатом. Он был худым, злым и, на мой взгляд, самым опасным членом отряда.

Мило был моложе всех, почти мальчишкой. Как мне сказал Брэгг, Мило только что получил звание рядового. До этого времени он был единственным выжившим гражданским лицом с Таниса, и был спасен лично комиссаром-полковником.

Яэл был немногим старше. Его тонкая юношеская фигура, только-только стала обретать очертания зрелого мужчины. Но, в его взгляде было нечто, что говорило, — сам он давно уже повзрослел.

Мы выдвинулись к южной окраине. Как сказал Брэгг — нашим заданием было выкурить остатки разгромленной армии Зоики. Они залегли на дно, сказал он, засели глубоко, словно занозы.

Это меня встревожило, но Брэгг тащил с собой некую разновидность тяжелой автоматической пушки, которая обычно ставится на турель, и я решил держаться рядом с ним.

Мы покинули город через останки ворот имени Иеронимо Зондара. Несколько ключевых сражений были здесь и несколькими километрами к востоку, там, где в массивной, выщербленной стене находились ворота Вейвейр. На этом участке прошли самые ожесточенные бои во всем конфликте.

Только сейчас до меня стал доходить размах боевых действий. Позади нас возвышалась увенчанная башнями громада Вербун-улья, окольцованная тем, что осталось от защитной стены. Передо мной простиралась, на сколько хватало глаз пригородные кварталы, горные выработки, заводы и склады, — огромный пояс, окружающий громаду улья. Здесь были затяжные бои, беспощадные схватки, улица на улицу, когда солдаты Зоики продвигались к стенам города. Мы прошли мимо останков нескольких зоиканских боевых машин. Это были не только танки и транспортеры, но и странные механизмы, похожие на пауков или ракообразных. Их колоссальные корпуса были покрыты черным нагаром, который оставил огонь, пожравший их изнутри.

Стоял ясный солнечный день, но дымная вуаль придавала свету зеленоватый оттенок, клубы дыма стелились словно туман. Легкий ветерок с южных пустошей поднимал пыль небольшими вихрями. Спидеры, посадочные модули и ревушие имперские перехватчики сновали в небе туда и

сюда, а горизонт на юге озаряли вспышки и сполохи огня. Там, в пустошах, убегающие остатки зоиканской армии предавались планомерному уничтожению.

Некоторое время былолюдно. Беженцы колоннами возвращались в город, толкая перед собой тележки и детские коляски со скарбом.

Встречались пешие патрули Имперской Гвардии. Попадались машины с ранеными. И хуже того — караваны с телами погибших, которые двигались к местам массовых захоронений. Рабочие бригады Муниториума и инженерно-саперные отряды работали, в безнадежной попытке восстановить хоть какой-то порядок в море хаоса. Я вздрогнул от страха, когда громкий взрыв донесся со стороны фабрик, но Брэгг успокоил меня, сказав, что это бригады подрывников сносят полуразрушенные дома, которые опасно оставлять в их теперешнем виде.

Нарменианские танки, оснащенные бульдозерными ножами, сгребали развалины и мертвые тела в сторону от дорог, позволяя легким моторизированным конвоям быстрее передвигаться среди руин. Призраки, и я присоединился к ним, салютовали каждому танку, размахивая руками и поднимая вверх сжатые кулаки. Из отчетов я знал, что танки Гризмунда Нармениана внесли весомый вклад в победу, так же как и Роанцы, Вervун Прим и «временная гвардия» партизан Вervун-улья. Но, леди Часс выразилась совершенно отчетливо. Она хотела чествовать Призраков Гаунта. Я тогда удивился, чем заслужили Призраки такого особого внимания. Наверное, из-за самого Гаунта. В критический момент он принял командование всеми силами на себя и лично добился победы.

Я хотел бы встретиться с ним, вместо того, чтобы глазеть на полумертвое тело на больничной койке.

Пригород выглядел ужасно заброшенным. Он был практически стерт в пыль артиллерией и уцелевший дом был большой редкостью.

Земля была одной сплошной мешаниной осколков рокрита и исковерканного металла. Воздух был то жирным от маслянистого дыма, то тяжелым от пыли, поднимавшейся с руин. Были здесь и осколки человеческих костей, белые и чистые. Я думал, что это осколки фарфора, пока не заметил осколок черепа с глазницей.

Жалкие остатки обрушившихся домов покрывали каждый метр грунта.

Я начал чувствовать дурноту. Все это было чудовищно, и подавляло своим размахом. Конечно, умник Колм Корбек послал меня на эту прогулку нарочно. Очевидно, он считал, что это подтолкнет мое воображение.

Во мне росло возмущение. Я и так в полной мере осознавал горе, обрушившееся на Вervун-улей. Не было нужды подстегивать меня.

И всему этому не было конца. Мы пересекли переулок, который был сплошь заполнен телами убитых. Воздух был отравлен вонью разложения и полон мух. Я решил, что Корбек настоящий ублюдок. Чтобы он там не воображал обо мне и моей миссии, мне было не нужно вдохновение такого сорта.

Тут я понял, что Ларкин рыдает. Это зрелище потрясло меня. Я знаю, о чем вы сейчас подумали, но он нисколько не упал в моих глазах. Я знал, с самого первого момента нашей встречи, что он эмоциональный, легко ранимый человек. Он плакал, но, ни на секунду не отрывался от боевой задачи. Он держал строй и держал под прицелом сектора, за которые отвечал. Казалось, он сам не замечает своих слез.

Но он плакал.

Я видел плачущих женщин. Я видел плачущих детей. Я видел, как рыдают мужчины, в минуты слабости.

Я больше никогда, за все прошедшие шестьдесят лет, не видел, как плачет солдат. Это было самое болезненное зрелище из всех, что я там видел.

Слезы ручейками смывали грязь с его щек. А он был полностью поглощен патрулированием. Вид человека обученного убивать и готового убивать, который оплакивает павших — это настоящая трагедия.

— Ларкин... не мог бы ты, нафес, заткнуться, — сказал Фейгор.

— Я... мне что-то попало в глаз, — ответил Ларкин. Я хотел вступить за него, но Фейгор выглядел особенно угрожающе. К тому же у него была лазерная винтовка.

— Просто прекрати свое фесово хныканье, — сказал Фейгор, его голос был ровным и равнодушным, таким, каким его воспроизводил горловой имплантат.

— Оставь его, — сказал Баффлз.

— Ну да, — сказал Мактаг, — мы все будем рыдать, если Гаунт умрет.

— Он уже мертв, — сплюнул Фейгор.

— Ничего он не мертв! — вмешался Домор. — Он серьезно ранен, но не мертв!

— Так бы они нам и сказали, если б он умер, — сказал Фейгор.

— Они бы сказали! — ответил Домор.

— Это имплантаты ослепили тебя, Шогги? — спросил Бростин. — Мы же просто бедные, никому не нужные солдаты. Они нам ничего не скажут, пока не припрет. Это же вредно для нашего боевого духа!

— Думайте, что хотите, — сказал Яэл, — я считаю, они нам скажут.

— Гаунт не умер, — сказал Мило.

— Откуда знаешь?

— Я навещаю его каждый день. Этим утром он был жив.

— Да? — сказал Бростин. — А жив ли он сейчас?

Мило не ответил.

— Он был жив час назад, — вмешался я.

— Тебя кто спросил? — сплюнул Фейгор.

— Его имя мистер Туро, — сказал Брэгг. — Будь вежлив.

— К фесу вежливость, — сказал Фейгор.

— Ну-ка все заткнитесь, — прошипел Дойл.

Мы укрылись в старой пекарне, одну стену которой разрушило взрывом. Дойл и Фейгор пошли на разведку. Я начал убеждать себя, что совсем не устал.

— Эта штука... Акт Утешения, — сказал Мактаг, когда мы присели. — Думаете, кто-нибудь на это клюнет?

— Только сумасшедшие, — сказал Яэл.

— Я думаю, некоторые из них захотят присоединиться, — не согласился Домор.

— Угу, некоторые... психи... — сказал Бростин.

— Давай-ка потише там, понятно? — вмешался Баффлз.

Бростин понизил голос.

— Ты-то был достаточно безумен, чтобы вступить в полк. А эти хайверы, я про них вообще ничего не знаю. Они вообще нам нужны?

— Я видел, как они дрались — сказал Дорден — временная гвардия. Они хороши. Я бы гордился, если бы они были среди нас.

— Они не танитцы, — проворчал Бростин.

— Нет, не танитцы, — сказал Брэгг, — но я тоже их видел. Они дерутся как черти.

— Может быть, но будешь ли ты радоваться, когда они наденут цвета Танита? Они не с Танита! Фес бы побрал этот Акт Утешения! Пускай сделают свой полк! Они нифеса не танитцы!

— Я был с Гаунтом, в рейде на Башню, вместе с отрядом временщиков, — сказал Ларкин неожиданно. — Ты тоже там был, Брэгг. И ты, Шогги. Временная гвардия дала там жару. Этот их командир... как там его имя?

— Колеа, — сказал Брэгг.

— Точно... вот он там поработал. Просто одержимый.

— Все равно... — сказал Бростин, ничуть не убежденный.

Вернулись Дойл с Фейгором. Впереди было чисто. Мы двинулись вперед, сквозь руины.

Мне кажется, что тогда я спас несколько жизней. Я смотрел на руины глазом скульптора, взглядом инженера. И сказал Брэггу:

— Вон тот проход, впереди. Там упавший кусок бетона. Он выглядит так, как будто его перетасили.

— Откуда ты знаешь?

Я пожал плечами.

— Ну, я просто знаю, как он должен упасть. А он лежит неправильно. Его, наверное, перетасили.

Брэгг встал как вкопанный. Он бросил камень на упавший кусок и в ответ прогремел взрыв, взметнувший в воздух осколки каменной кладки.

— Хорошее начало, мистер Туро, — сказал Фейгор.

— Если ты не можешь родить ничего кроме сарказма, Фейгор, лучше заткнись, — сказал Домор.

— Это был не сарказм, — сказал Фейгор, с сарказмом.

— Заткнись, — хором сказало несколько голосов.

— Это вот эта штука! Эта штука! — продолжал настаивать Фейгор, тыкая в горловой имплантат грязным пальцем. — Она делает мой голос саркастичным, даже когда я этого не хочу!

Это было правдой. Скрипящий монотонный звук, который издавал имплантат, делал каждое слово плоским и мертвым. До конца жизни его голос останется саркастичным.

— Будь честным. Большую часть времени это сарказм, — сказал Бростин.

— Не всегда!

— И как же мы узнаем, когда это сарказм, а когда нет? — спросил Яэл.

— Может, он будет поднимать руку, когда это настоящий сарказм? — предложил Мактаг. — Ну, типа сигнал.

— А что, неплохая идея, — воодушевленно поддержал его Фейгор.

Наступила пауза. Все посмотрели на Фейгора. Медленно, с видимым усилием, он поднял руку.

Я думал, что мы все уже вот-вот лопнем от смеха, даже Фейгор, когда Дойл неожиданно поднял руку и этот жест не имел ничего общего с сарказмом.

Мы сидели в укрытии, и пыль от взрыва мины еще висела в воздухе. Не издав ни звука, Дойл указал на два места в руинах, прямо впереди нас, хотя для меня, они ничем не отличались от остальных. Затем он сделал два быстрых и ловких жеста.

Баффлз кивнул, и сам сделал рукой несколько сигналов. Одновременно, Домор, Яэл и Дойл скользнули влево, пробираясь сквозь развалины, а Фейгор, Бростин и Мило направились направо.

— Не высовывайся, — прошептал мне Брэгг. Уговаривать меня не пришлось. Чертов дом Часс заплатит мне за это дополнительно.

Брэгг разложил сошки и угнездился с автопушкой в развалинах. Мактаг скорчился позади него, доставая барабаны с боеприпасами из своего рюкзака, и вставил один из них в приемник тяжелого орудия Брэгга. Затем он расправил камуфляжную накидку, которая была у него и Брэгга и накинул ее на плечи. Баффлз лежал на животе, в нескольких метрах справа и изучал через полевой перископ останки кирпичных стен. Я осознал, что не вижу Ларкина. Затем я понял, что он лежит прямо рядом со мной, слева, снайперская винтовка изготовлена к выстрелу. Как и бойцы поддержки, он завернулся в камуфляжную накидку и, несмотря на то, что он лежал так близко, что я мог дотронуться до него вытянутой рукой, мне с трудом удавалось его разглядеть. Его скрытность была потрясающей. Я понял, что это и есть фирменный знак Призраков Таниса.

Я почувствовал себя выставленным на всеобщее обозрение. Я был совсем не в том месте, где надо. Я попытался скорчиться еще сильнее, спрятаться за куском стены, но мой ботинок соскользнул, сдвинув несколько камней, и я заработал ядовитый взгляд от Ларкина.

Я слышал только стук своего сердца. В носу стоял только запах кирпичной пыли и пота, в том числе и моего собственного.

Невыносимо пекло солнце. А еще, был слышен шепот переговоров по вокс-линку.

Время замедлилось и начало растягиваться, как занудный пассаж в музыкальной пьесе. И тогда я понял, что никогда не смогу стать солдатом. Ожидание убивало. Я знаю, это просто смешно. Я сам могу работать месяцами, могу потратить целую неделю, работая над мелкой, но важной частью барельефа. Я одержим вниманием к деталям, и мне не важно, сколько времени я потрачу, чтобы достичь совершенства, ведь успех всего дела зависит от мелочей.

Здесь было то же самое, это был особый сорт кропотливой работы. Но теперь, это была война. Гвардейцы очень скрупулезно отнеслись к тому, чтобы приготовиться так, как надо. Если было бы можно сравнить победу на войне и создание статуи, простите меня, но не очень в это верю, так

вот, в том и другом процессе все зависело от внимания к деталям, от старательности и от терпения.

Скорчившись в развалинах пригородных домов, проклиная затянувшееся промедление, я ожидал прожить худшие минуты в своей жизни.

И, я совершенно точно в этом уверен, что меня бы не было в живых, если бы Призраки засуветились и занервничали.

Я никогда раньше не слышал выстрела из лазгана, настоящей лазерной винтовки. Я, конечно же, видел достаточно видеозаписей в новостях, которые показывали наших доблестных солдат в момент их побед, но теперь я знаю, что глубокий резонирующий звук, который издавали их ружья, на самом деле всего лишь звуковой студийный эффект. Настоящее оружие производит резкий треск, словно сломанная палка. Он сух и короткий и не звучит, как нечто значительное. Я услышал резкий треск и удивился, чтобы это могло быть? И я почти понял, что это за звук.

Я был близок к тому, чтобы понять все.

Неожиданно Баффлз напряженно зашептал что-то в вокс-линк. Я понял, что-то случилось, и тут очень громкий треск раздался прямо рядом со мной. Это Ларкин произвел выстрел. Он выстрелил снова и тут я осознал собственную глупость. Тот треск, который я слышал раньше означал — бой уже идет.

Свет вокруг меня странным образом замигал, словно стал мерцать сам день. На стене, наполовину обрушившейся позади нас, взлетели облачка пыли и несколько каменных осколков упали на землю. Я сообразил, что по нам ведется огонь. Мигание света было вызвано лазерными лучами, которые были почти не видны на фоне неба. Затем выстрел ужалил каменную кладку передо мной, и я отчетливо разглядел его. Стрела бурлящего пламени, окрашенного красным, толщиной не больше указательного пальца, настолько яркая, что у меня заболели глаза, настолько стремительная, что я едва успел его заметить.

Заговорила автопушка Брэгга. Она тоже звучала совсем не так, как я ожидал. Это был металлический рокот, похожий на звук, который издают сверла по камню, я использую такие на больших работах. Автопушка изрыгнула серию коротких очередей, которые с короткой задержкой шли один за другим, все это перекрывалось стрекотом механизма подающего по специальному шлангу боеприпасы. Пустые гильзы дождем сыпались вниз, со звоном отскакивая от камней.

Неожиданно появились Мило, Фейгор и Бростин, они отчаянным рывком добрались до наших укреплений и попадали на землю. Фейгор и Мило тут же поднялись на колени и открыли беспорядочную стрельбу из своих лазганов. Бростин стал возиться с огнеметом.

— Что, фес поberi, случилось? — заорал Баффлз.

— Мы выскочили на целую банду. Шесть, может семь и мы бы взяли их тепленькими, но чертов огнемет заклинило! — проскрипел Фейгор, не прекращая стрельбы. На нас посыпались новые выстрелы, которые, попадая в камень, издавали глухой, пустой звук.

— Почини его! — завопил Баффлз.

— Я пытаюсь! — ответил Бростин. — Зажигание сдохло!

— Фес! Они приближаются! — закричал Мило. — Я вижу движение!

— Ларкин! — Баффлз почти орал.

— Прямой видимости нет, — прошипел Ларкин.

— Фесова дрянь, — сказал Бростин соскребая нагар с сопла огнемета. Я посмел приподнять голову.

— Где группа Дойла? — спросил Мило.

— Их прижали огнем, — сказал Баффлз. — Откуда сейчас стреляли?

— Слева! Вон там! — прорычал Фейгор.

Брэгг сменил прицел, развернув автопушку на станине. Мактаг попытался не отстать от него. Они уже сменили два барабана.

Брэгг выстрелил туда, куда указывал Фейгор и промазал.

— Еще раз! — хором заорали Фейгор и Мактаг. Теперь я понял мрачный юмор прозвища Брэгга.

Брэгг «Ещераз» выстрелил еще раз и тут барабан опустел. Мактагу потребовалось несколько секунд, чтобы заменить его новым. Брэгг, тем временем, бросил быстрый взгляд в мою сторону. Он улыбнулся, пытаясь выглядеть ободряюще. *«Ну же, еще раз, Брэгг!»* — мысленно взмолился я.

Вокруг него свистели выстрелы, а он просто сидел с дурацкой улыбкой, которая должна была видимо взбодрить меня и внушить уверенность. Ведь полковник Корбек приказал ему «приглядывать» за мной, и он не собирался нарушать приказ.

— Все будет в порядке, — сказал он. — Через минуту мы тут закончим.

Даже сейчас, шестьдесят лет спустя, я часто вспоминаю этот момент. Гвардейца Брэгга, его бесхитрость и его настоящий природный оптимизм. Его отвагу. Я понятия не имею, что случилось с ним потом. Очень надеюсь, что судьба была к нему милостива.

— Нам нужен огнемет! — закричал Баффлз, стреляя из своего лазгана вместе с Мило. Снова ожила автопушка.

Бростин прошипел что-то нечленораздельное и попытался просунуть шомпол в сопло огнемета.

Я пополз к нему. Несмотря на вес и размеры, огнемет был устроен примерно так же, как и тепловые пушки, которые я иногда использовал для работы с металлом и пластиком. Два года назад, выполняя задание Дома Анко я извел кучу нервов сражаясь с тепловой пушкой, которая периодически отказывалась работать.

— Это не сопло, — сказал я.

— Нет, это фесово сопло, — сплюнул Бростин. — Это нагар в этом фесовом сопле! Отвали нафес с глаз моих! Тебя здесь вааще быть не должно!

— Это не сопло, — повторил я терпеливо, — это вторичное зажигание. Топливные шланги перекрутились или засорились, и горячее не попадает в камеру.

— Отвали к черту!

Не обращая на него внимания, я ухватил за топливный шланг и дернул. По моим рукам заструилось топливо.

— Отвали от меня! Кто-нибудь заберите его от меня! — закричал Бростин. Я подумал, что он меня сейчас ударит.

Я схватил шомпол и, сунув его в шланг, вытащил грязный, сочащийся топливом комок непонятно чего.

— Попробуй сейчас!

Бростин посмотрел на меня убийственным взглядом и подсоединил топливный шланг на место. Он повернул тяжелый переключатель и на кончике сопла возник голубой шарик пламени.

— Чтоб я сгорел... — сказал Бростин.

— Даже не мечтай об этом, — сказал я.

Бростин развернулся с огнеметом наперевес и выстрелил вверх баррикад. Потоки яростного желтого пламени со свистом ударили по руинам. Я услышал крики.

Как только полыхнул огонь, Фейгор, Мило и Баффлз нырнули в укрытие и стали прилаживать длинные серебристые клинки к стволам своих ружей.

— Ты думаешь, дойдет до рукопашной? — спросил я этого парнишку, Мило.

— Кто знает? — ответил он.

Баффлз прокричал что-то. Стало ясно, что группа Дойла открыла перекрестный огонь. Огнемет прорвал блокаду.

Я понятия не имею, как они могли ориентироваться в наступившем хаосе, даже при помощи воксов. Это было сплошное безумие. Пыль, камни и летящие копыа смертельного когерентного света.

— Пошли, — сказал Баффлз.

Не знаю, что он хотел этим сказать, но внезапно, Фейгор, Мило, Бростин и Баффлз исчезли. Они вскочили и устремились в клубы дыма. Я слышал только беспорядочный треск выстрелов и шумные вздохи огнемета.

А потом Мактаг приподнялся, словно его дернули сзади за ремни. Он развернулся и упал назад. Целое мгновение я не мог понять, что произошло. Это выглядело так, будто он решил подурачиться, дергаясь и глупо дрыгая ногами.

На самом деле его подстрелили. Прямо передо мной. Он упал к моим ногам, его пятки выбивали дробь, а

руки спазматически дергались. Тонкая струйка дыма поднималась от маленькой черной дыры, там, где выстрел лазгана поразил его в лоб. Крови не было. Выстрел полностью прижег рану и не был достаточно мощным, чтобы пройти навывлет. Зато его хватило, чтобы пробить череп и выжечь мозг.

Это самая ужасная вещь, которую я видел в жизни. Его тело билось в конвульсиях, пытаюсь жить дальше, но мозг был уже мертв.

Мне кажется, что если бы была кровь или другие признаки смертельного поражения, мне было бы легче пережить это.

Но это была всего лишь маленькая дымящаяся дырочка.

А потом он затих, и это было самое ужасное.

Я все еще смотрел на него, когда вернулись остальные. Брэгг накрыл его своим плащом, а Ларкин опустился рядом с ним на колени. Он начал обряд прощания, сверяясь с последними страницами своего «Наставления имперского пехотинца». Бой был закончен, гнездо зоиканцев было уничтожено.

Я так и не увидел противника, даже издали.

Был закат, когда мы вернулись в город. Всю дорогу, Дойл и Баффлз несли Мактага. Брэгг и Бростин пытались растормошить меня, утверждая, что мой трюк с заклинившим огнеметом спас Галактику. К тому времени, когда мы достигли стен города, их версия прошедших событий выставляла меня героем, который выиграл всю кампанию.

Они были великодушны, эти Призраки. Ведь Бростину, например, было не с руки подтверждать, мою правоту. Думаю, что они понимали — я был гражданским, но успел пережить слишком много.

Они жалели меня. Я выдержал их ритуал проверки на прочность и показал себя как надо.

Думаю, что должен был гордиться тем, что они меня приняли. Это честь, заслужить уважение таких воинов.

Но, смерть Мактага глубоко потрясла меня. Память об этом прожгла мой мозг навывлет, я был уверен — на моем лбу есть маленькая дымящаяся дыра. Неважно, что говорили Бростин и Брэгг, — я не был солдатом. Я не был готов принять этот удар. Никаких прививок, никаких стандартных базовых тренировок, которые помогли бы унять боль.

Во имя Бога-Императора, я же художник! Мягкотелый, тщедушный художник, который живет в спокойном мирке, где смерть находится за закрытыми дверями или плотно задернутыми занавесками. Я всегда старался творить так, чтобы показать людям правду и красоту, честь и гуманизм, а здесь все это было пустым звуком. Все, что я сделал, было мишурой. Я презирал все свои работы, каждую из них.

Все, что приносило мне ощущение творческого удовлетворения, которое так меня радовало. Все было ничем, — пустым и безжизненным. Полностью лишенным правды настоящей жизни.

Правда, настоящая правда, лежала здесь, в руинах разрушенного пригорода Вербун-улья. Настоящая правда была ожиданием и тишиной, отвагой и умением становится невидимым. Настоящая правда была способностью действовать в экстремальных условиях. Стрелять, мазать и пытаться стрелять еще раз. Примыкать штыки к стволам и, покинув укрытие, кидаться, по приказу, в пелену дыма, готовясь убивать этим самодельным копьем.

Настоящая правда была как маленькое дымящееся отверстие во лбу.

Я не был испуган во время патруля. Я был уставшим, ошарашенным, недоуменным, нетерпеливым. Но я, ни на дюйм не поддавался ужасу.

Но когда мы вернулись назад, страх поглотил меня. Я был в шоке. Я едва мог говорить.

Я сидел, укутанный в плащ Брэгга, возле входа в казарму. Мимо меня проходили бойцы, спеша по своим делам. Меня изумляло, почему они не напуганы? Неужели они все-таки боятся, но просто держат это в себе? Это было бы по-настоящему ужасно.

Я заметил Брэгга, который говорил с Корбеком и показывал на меня. Корбек куда-то ушел, но вместо него появился молодой боец, Мило.

— Полковник Корбек приказал мне отвести вас в госпиталь.

— Я в порядке.

— Я знаю. Но он хочет, чтобы в этом убедились доктора. У вас был сложный день, мистер Туро.

Пока мы шли по разрушенным улицам, опустилась ночь. Появились звезды, их свет пробивался через дым. Высоко наверху, лунным светом сияли боевые корабли, которые висели на низкой орбите.

— Как вам это удастся? — спросил я паренька.

— Удастся что, сэр?

— Отключится от этого? От страха, от шока? Вас, наверное, научили этому на тренировках, да?

Мило удивленно посмотрел на меня.

— Кто вам это сказал? — спросил он.

— Но как... — начал я, — вы же не можете жить вот с этим? Я имею в виду, продолжать жить, день за днем, с таким давлением, с таким страхом. Вы должны как-то это преодолевать. Как-то отключаться от этого...

Он покачал головой.

— Я боюсь, каждую минуту своей жизни.

— Но, как ты можешь жить дальше?

— Я никогда не думал об этом, — пожал плечами Мило. — Мы просто живем. Делаем то, что должны. Мы ведь Имперская Гвардия.

Я никогда не забуду эти слова.

Я прождал в холле госпиталя час или около того, пока меня осмотрели. Приятный пожилой доктор, тот самый Дорден, которого искал утром Корбек, наконец, осмотрел меня и сказал что все в порядке. Он предложил успокоительное, но я отказался. Я спросил про Гаунта, и он предложил мне пойти посмотреть самому.

Он провел меня через двор госпиталя. Мы миновали ряды коек, на которых лежали солдаты, многие из

них были Призраки, раненные в боях. Дорден часто останавливался, что бы проверить их состояние. Он называл мне имена — Маколл, Бонин, Велн, их было слишком много, чтоб я мог запомнить их, и обстоятельства при которых они получили ранения.

Я хотел повидаться с Гаунтом прежде, чем он умрет. После того, как я увидел его людей, я хотел увидеть его самого.

Когда мы пришли, то обнаружили группу мужчин и женщин, которые стояли в темном коридоре перед его палатой. Здесь были и Призраки, но большинство из них было местными. Дорден знал их всех. Тут был огромный, мрачно выглядящий шахтер, которого Дорден звал «мистер Колеа», преклонных лет одноглазый фабричный управляющий, который представился как Эгун Сорик, тяжело раненный капитан Первого Вербунского, которого звали Даур, свирепая с виду гангста-девчонка, звавшаяся Криид, в сопровождении молодого танитского бойца.

— Что они здесь делают? — спросил я Дордена.

— Они пришли повидать Гаунта.

— Но почему?

— Потому, что они все приняли Акт Утешения. Они и сотни, таких как они, — прошептал Дорден. — Они присоединились к нам, и будут идти вместе с нами, да хранит их Бог-Император.

— Почему же они пришли сюда?

— Чтобы быть рядом с Гаунтом. Большинство из них вступило в Призраки из-за него. Они хотят быть рядом с ним при жизни... или при смерти. Они доверили ему свои жизни. Для них это важно.

Эта пестрая компания терпеливо ждала рядом с палатой, но я двинулся вперед и проскользнул в его комнату. Никто не остановил меня. Пластиковые занавеси были задернуты, и я уже было собрался раздвинуть их, как сообразил, что всеми любимый комиссар-полковник был не один.

Я застыл в дверях, пытаюсь разглядеть что-нибудь сквозь занавеси. Высокий, опасного вида человек, в черной танитской униформе сидел рядом с постелью Гаунта, еле видимый в голубом свете приборов. Это был майор. Майор Роун, как я узнал позже.

Я не должен был быть здесь. Я уже чувствовал себя виноватым, что подслушал Корбека утром, но это было очень наглое вторжение.

Я застыл, не смея пошевелиться и выйти вон.

Я слушал.

— Ты решил умереть, — шептал Роун, обращаясь к Гаунту, — ты смеешь умирать у меня на глазах, фесов ублюдок. Умрешь сейчас, и я никогда тебе не прощу. Ты не можешь умереть просто так. Я не могу это допустить.

Я оглянулся назад, понимая, что услышал слишком много.

— Если ты собрался умереть, то убить тебя должен я. Я, слышишь меня, ублюдок? Я! Иначе это будет нечестно! Я, должен быть твоей смертью! Мне, нужно быть твоей смертью! Ни какая-то там дурацкая пуля, а я! Поэтому, сейчас ты выживешь, ублюдок. Ты очнешься, и будешь жить, и тогда я смогу

достойно убить тебя.

Внезапно он поднял голову и заметил меня. Вскочил и ринулся ко мне.

— Какого феса ты здесь делаешь!?

Я отпрянул назад. Он сжал кулаки, даже в сумраке на его лице отчетливо был виден гнев. Он явно собирался напасть на меня.

— Ты, фес, кто такой? — прорычал он, отбрасывая меня к стене.

— О, Бог-Император, — заикаясь, начал я. — Смотрите...

Он обернулся и увидел то, что увидел я.

Ибрам Гаунт открыл глаза.

Я так и не смог поговорить с Гаунтом. Как только он пришел в себя, его перевезли на медицинский фрегат. Я вообще больше не встречал танитцев. Пришел мой транспортный корабль, который должен был отвезти меня обратно, на НордКол, пришло так же сообщение от дома Часс, они торопили меня начать работу.

Я просрочил три финишных срока, рискуя навлечь на себя гнев леди Часс. Я отказался от пяти набросков и уничтожил две, почти готовых скульптуры.

Все это было не то.

Финальный вариант был сделан из металла. Им я тоже не очень доволен. В нем нет правды, настоящей правды. Но, дом Часс больше не хотел ждать.

Теперь он стоит на месте, где раньше был торговый центр Вервун-улья. Сам улей был снесен, и превратился в пустоши и равнины. Осколки рокрита, кости и пустые гильзы все еще можно найти среди продуваемых всеми ветрами полей.

Он стал моей самой знаменитой работой. Какая ирония.

Вообще то, я рад.

И, когда говорю это, поднимаю руку, как Фейгор. С тех пор я сделал много такого, что кажется мне более важным. Но, вы не можете изменить того, что сделали раньше.

Это одинокий имперский гвардеец. Он отлит из металла, переплавленного оружия, которое было собрано на руинах улья. Он не из Танитских Призраков, он вообще ни на кого не похож. Одна рука его поднята, кулак сжат, но это не знак победы, но решительности, как один из боевых сигналов Баффлза. Он стоит свободно, словно полковник Корбек и, в повороте его головы, я узнаю оптимизм гвардейца Брэгга. В нем есть открытая честность Мило. В нем есть, и мне нравится так думать, смертоносность Роуна. В нем есть, и это черта всех памятников, ужасающая неподвижность Мактага.

Его называют Мемориалом Часса и на подножии, большими буквами написано, что дом Часс оплатил создание этого монумента, в честь павшим у Вервун-улья. Где-то там, в уголке написано, что автор его — Туро из НордКола. Монумент стоит на травянистом склоне, охраняя некрополь, который когда-то звался Вервун-ульем. Он может стоять целую вечность.

В этом памятнике нет ничего от самого Гаунта. Потому, что я так с ним и не познакомился. Как я уже говорил, на самом деле я толком их и не знал. Но, в этом памятнике есть нечто от его людей, и — я верю в это — есть и он сам.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Воспоминание_/In_Remembrance_\(рассказ\)&oldid=13256](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Воспоминание_/In_Remembrance_(рассказ)&oldid=13256)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 мая 2020 в 23:03.